

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
Глава 1	
СОГНУТАЯ ВЕТОЧКА ИЗ БРУКЛИНА	10
Глава 2	
РАННЯЯ ЗРЕЛОСТЬ	33
Глава 3	
КАК РАЗВИВАЕТСЯ ГОРОД	44
Глава 4	
БЛАГОПРИЯТНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ	74
Глава 5	
ВОСХОЖДЕНИЕ ТОРРИО	97
Глава 6	
ВЗЛЕТ КАПОНЕ	115
Глава 7	
ПЛАН СПАЙКА	130
Глава 8	
КАПОНЕ В СИСЕРО: ОБЯЗАННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ	144
Глава 9	
ДИКИЙ КОЛОНИАЛЬНЫЙ ПАРЕНЬ	158
Глава 10	
УХОД О'БЭНИОНА	174
Глава 11	
УХОД ТОРРИО	184
Глава 12	
КАПОНЕ ПРОТИВ СИЦИЛИЙЦЕВ	192
Глава 13	
РАСКОЛ	206
Глава 14	
КТО И ПОЧЕМУ УБИЛ МАКСВИГГИНА	216
Глава 15	
КРОВАВЫЙ ПУТЬ К МИРУ	232

Глава 16	
БОЛЬШОЙ ПАРЕНЬ НА ВЕРШИНЕ.....	251
Глава 17	
БЕЗУМИЕ	274
Глава 18	
ЭЛЬБА И ПЕРВЫЙ ШАГ К ВАТЕРЛОО	288
Глава 19	
СЕРДЦА... ..	313
Глава 20	
...И ЦВЕТЫ	326
Глава 21	
БРАТСКАЯ ЛЮБОВЬ.....	349
Глава 22	
ДЕРЖИТЕ КАПОНЕ!.....	366
Глава 23	
НЕТ МЕСТА ЛУЧШЕ ДОМА	381
Глава 24	
ПОРЯДОЧНОСТЬ НАНОСИТ ОТВЕТНЫЙ УДАР	395
Глава 25	
ВРАГИ ОБЩЕСТВА	416
Глава 26	
НАЧАЛО КОНЦА.....	435
Глава 27	
ПОЛУЧЕННОЕ.....	461
Глава 28	
...НАВСЕГДА	477
Глава 29	
ЗА РЕШЕТКОЙ.....	500
Глава 30	
...В АД И ОБРАТНО	512
Глава 31	
НЕЗАВЕРШЕННЫЙ ФИНАЛ	536
Глава 32	
ОЖИДАНИЕ БОЛЬШИХ ПЕРЕМЕН	549
БЛАГОДАРНОСТИ	568

ПРЕДИСЛОВИЕ

В фильме «Состоят в браке»¹ 1948 года персонаж Спенсера Трейси сетует, что предал свои принципы: «Я был уверен, что смогу пробиться среди республиканцев. Я, как Аль Капоне, – только в политике»

Капоне умер более года назад, до этого сидел в тюрьме, затем прозябал во Флориде. Тем не менее режиссер Фрэнк Капра решил зрителям не нужно объяснять, что именно имел в виду персонаж Спенсера.

Когда Имельда Маркос вернулась на Филиппины² в 1991 году, правительство выдвинуло ей обвинения в неуплате налогов. Адвокат Имельды с сожалением заметил: «Им просто не к чему придраться, и теперь Имельду пытаются задушить, как американское правительство задушило Аль Капоне». Судебный процесс по делу Капоне был закончен почти шестьдесят лет назад. Но даже на Филиппинах все понимали, что имел в виду адвокат.

Так рассуждал и автор статьи в газете New York Times, опубликованной в июне 1989 года. Он писал, что просьба Дэна Куэйла³ к видному сальвадорскому военному деяте-

¹ State of the Union, 1948 – другое название «Состояние единства» (*Здесь и далее примеч. перев.*).

² Имельда Маркос (Imelda Remedios Visitación Romuáldez; 1929) – филиппинский политический и общественный деятель, вдова десятого Президента Филиппин Фердинанда Маркоса. В 1990 году предстала перед Федеральным большим жюри Нью-Йорка по обвинениям в уклонении от уплаты налогов и была оправдана по всем пунктам.

³ Джеймс Куэйл (James Danforth «Dan» Quayle, 1947) – американский политик, Член Палаты представителей США, вице-президент США при президенте Джордже Буше-старшем.

лю того времени Роберто Д'Обюссону¹ не мешать новому президенту Сальвадора Альфредо Кристиани² – все равно что «просьба к Аль Капоне заплатить налоги».

Автор гневной статьи в *Los Angeles Times* выразил недовольство, что арестованный убийца сумел завладеть личными данными и адресами присяжных и написал им письма в стиле «теней Аль Капоне».

Множество журналистов и писателей до сих пор продолжают упоминать в работах человека, который не делал ничего, что могло бы привлечь внимание к нему за пределами Чикаго до 1926-го или после 1931 года.

Чикагский адвокат Джулиус Люциус Эчелес комментировал это так: «Удивительно, как часто его имя используется, чтобы оживить историю». Аль Капоне – больше, чем человек; он стал некой аллюзией.

Бесспорно, Аль Капоне один из самых знаменитых гангстеров в мире – и, пожалуй, один из самых известных американцев. Не нужно объяснять, ни кто он, ни что собой представляет.

Администрация города Сисеро³ в штате Иллинойс задумывается об изменении названия города на Хоторн: жителям порядочно поднадоели презрительные ухмылки, преследовавшие их везде, куда бы они ни попали, – и все из-за того, что Аль Капоне выбрал Сисеро в качестве своей штаб-квартиры.

Тем не менее, кроме зловещих событий, которые фигурировали в нескольких фильмах, например, в «Бойне в День святого Валентина»⁴ – настоящая жизнь Аль Капо-

¹Роберто Д'Обюссон (Roberto d'Aubuisson Arrieta, 1944–1992) – сальвадорский военный и ультраправый политик.

²Альфредо Кристиани (Alfredo Félix Cristiani Burkard, 1947) – сальвадорский политический деятель, президент страны в 1989–1994 годах.

³Сисеро (Сисего) – город в штате Иллинойс, пригород Чикаго.

⁴«Бойня в День святого Валентина» (The St. Valentine's Day Massacre) – фильм американского режиссера Роджера Кормана 1967 года, освещающий реальные события в Чикаго 14 февраля 1929 года.

не настолько малоизвестна, что многие режиссеры нагло жонглируют фактами, уверенные, что зрители все равно не знают, как было на самом деле.

(Власти Сисеро, например, очевидно не имеют никакого понятия, как тесно Аль Капоне связан с названием Хоторн¹).

Личность Аль Капоне покрыта таким количеством тайн и предположений, что правда окончательно похоронена под вымыслом. Его биография требует не приукрашивания, а серьезного пересмотра. Книга показывает, почему Капоне делал то, что делал, его видение мира и результаты решений.

Нет смысла осуждать преступления Капоне, а выставить его как чудовище – вовсе некорректно. Гораздо интереснее узнать, почему происходили те или иные ужасные события, к которым он имел отношение. Аль Капоне был криминальным бизнесменом, каждое его действие имело четкие, рациональные и легко прослеживаемые мотивы, как и у большинства людей по обе стороны закона, с которыми Капоне работал.

Это история о людях (с несколькими возможными исключениями), чьи деяния, пусть даже жестокие и беспощадные, были обусловлены исключительно человеческими мотивами. «Существует три способа сделать гангстера или бандита интересным», – писал кинокритик Джон Саймон.

– Он может быть настолько необузданным беспредельщиком, что привлекает к себе внимание;

– он может быть хитрым и компетентным, не верить в неизбежность наказания, пока его не предаст простая, человеческая оплошность;

– либо может быть человеческим до такой степени, что, глядя на него, думаешь: «Боже правый, да как же так...»

У Аль Капоне присутствовали все эти черты.

¹ «Хоторн» (Howtorn) – название отеля, где располагалась главная штаб-квартира Капоне, там периодически устраивались грандиозные попойки с участием чикагских политиков.

ГЛАВА I

Согнутая веточка из Бруклина

Габриэле Капоне выбрал неудачное время, чтобы перебраться с молодой семьей в Америку. В двадцать восемь лет Габриэль, взяв беременную жену, Терезу Райолу, и годовалого ребенка, покинул родную деревню Кастелламаре-ди-Стабию, на побережье в шестнадцати милях южнее Неаполя. Они прибыли в Нью-Йорк как раз в разгар Паники 1893 года, пошатнувшей экономику страны на долгие годы. Габриэль принял мудрое решение, отдав предпочтение Бруклину вместо нищей и перенаселенной Малбери Бэнд, итальянской колонии в Нижнем Ист-Сайде Манхэттена.

Кризис не обошел стороной и Бруклин. Четверть населения Бруклина лишилась работы: выжить могли только самые высококвалифицированные работники; остальным нечего было делать. При этом большинство прибывавших в то время в Америку итальянцев не обладали навыками, которые могли бы обеспечить их приличной работой в крупных городах. Промышленная революция едва коснулась Италии: почти 97% иммигрантов были крестьянами.

Почему люди стремились в крупные города? Почему не искали работу на ферме, не стремились обосноваться чуть дальше, на аграрном западе?

Итальянцы мигрировали, чтобы избежать сельской жизни, жестокой и бесчеловечной. Люди стремились в Америку, чтобы наладить жизнь и не терпеть лишения.

Вторая причина более непосредственно касалась личного опыта Габриэле Капоне в Америке. Его участь была более выгодной, чем положение большинства итальянских иммигрантов, потому что он мог заниматься вполне городским делом.

Он был парикмахером. Тогда в парикмахерских делали кровопускание и рвали зубы, профессия требовала

значительных навыков. У Габриэле не было возможности взяться за дело сразу по прибытии, потому что, как и у соотечественников, не было денег. У среднестатистической новоприбывшей итальянской семьи в девяностые годы XIX века было всего семнадцать долларов. Денег хватало в лучшем случае на десять-двенадцать дней.

Это означало, что большинство итальянцев не могли заняться поиском работы на ферме или просто-напросто добраться до нее, даже если бы захотели.

Они брались за любую работу, что редко удавалось сделать самостоятельно: большинство не говорило по-английски. Часто итальянцы становились в буквальном смысле рабами, завербованными падрони – наиболее предприимчивыми соотечественниками, формирующими бригады для выполнения непосильной и низкооплачиваемой работы. Один итальянец с горечью вспоминал, как по десять часов в день надрывался с киркой и лопатой всего за один доллар и, если хотел продолжать работать, отдавал бригадиру зарплату за один день в субботу вечером. Это самый экстремальный расклад по тем временам. Распространенной была ситуация, при которой грузчик кирпичей получал целый доллар и 50 центов за десять часов работы – 15 центов в час, за перетаскивание кирпичей вверх по лестницам.

Для Габриэле отсутствие капитала означало невозможность открытия парикмахерской. Работать на кого-то он не мог себе позволить, потому что невозможно прокормить семью на никель, который платил хозяин за каждую стрижку. Это обратная сторона снижения уровня оплаты труда: цены должны соотноситься друг с другом, и иммигрантам доставались самые ничтожные гроши. Двухкомнатная квартира с голыми стенами, без газа и электричества, с водой, поставляемой насосом, установленным во дворе, и санузлом совместного пользования стоила \$4 в месяц.

Наиболее бедные семьи готовили еду на керосинках, заодно используя их как единственный источник тепла; более обеспеченные могли позволить себе угольные железные печи. Никто и помыслить не мог греть обе комнаты при цене в 35 центов за стофунтовый мешок угля.

«Зимой, – рассказывал один из живших в таких условиях, – в нашей квартире было не намного теплее, чем на улице: мать хранила продукты в спальне, как в холодильнике». У некоторых иммигрантов дела обстояли еще хуже. Надо признать, далеко не все могли позволить себе такую роскошь. Один исследователь рассказывал, что пять семей (двадцать человек) ютились в одной комнате размером 12 на 12 футов. В комнате стояли только две кровати. Перегородок, занавесок, столов и стульев не было.

Семья Капоне жила лучше, чем многие. Хотя Габриэле и не смог поначалу открыть свое дело, сумел избежать низкооплачиваемой каторжной работы, потому что умел читать и писать. В Америке, как и в Италии, парикмахеры читали неграмотным людям письма. Грамотность помогла Габриэле получить работу в продуктовой лавке и скопить достаточно денег, чтобы открыть собственную парикмахерскую на Парк-авеню, 69.

У семьи Капоне родились еще дети. Они были крещены под итальянскими именами, однако все, за исключением одного, выросли с американскими версиями имен. Винченцо, родившегося в Италии через год после женитьбы Габриэле, в Америке звали Джимми. Раффало, родившийся вскоре после прибытия семьи в Америку, был Ральфом. Сальваторе, которого все знали под именем Фрэнк, родился в 1895 году.

Четвертый сын Терезы родился погожим днем 17 января 1899 года, во вторник.

Ровно через три недели крестная мать, София Мило, понесла младенца в церковь Святого Архангела Михаила – неопрятную каморку в подвале на улице Лоуренс, в центре Бруклина, куда Тереза постоянно ходила молиться. Преподобный отец Джозеф Гарофало крестил ребенка под именем Альфонсус, латинской версии имени Альфонс. В дальнейшем ходили слухи, что настоящая фамилия была Капони, а позже он переделал фамилию на английский манер. На самом деле фамилия звучала как Капоне именно после крещения. Церковь предписывала только одного восприемника, и ребенок рос без покровительства крестного отца.

В момент появления на свет малыша Аля семья Капоне жила на Нэйви-стрит, 95 в пяти кварталах от церкви Святого Михаила. Недалеко находилась Нью-Йоркская военно-морская верфь, более известная под названием Бруклинской военно-морской верфи. Район был весьма суров – в особенности Сэнд-стрит, пересекавшая Нэйви-стрит на месте ворот военно-морской верфи. На Сэнд-стрит все было связано с образом жизни пьяных матросов.

Матросы постоянно пропадали в барах, которыми изобиловала Сэнд-стрит. Из баров заходили в танцполы, из танцполов – в бордели, из борделей – в ломбарды, из ломбардов – к тату-мастерам.

Сэнд-стрит, как выразился один из историков, была улицей дешевой выпивки и еще более дешевых женщин.

В то же время какой-нибудь кающийся вполне мог спонсировать местную Юношескую христианскую организацию. Помимо этого, на Сэнд-стрит было несколько благопристойных организаций, усиливших и без того странный образ района. Поскольку по Сэнд-стрит проходила южная граница ирландского квартала, здесь располагались и кондитерская лавка МакИнтайра, и извозчий двор МакЛина, и магазин упряжи Сини, и салон Мартина Конналли. Район военно-морской верфи был заселен итальянцами, семья Капоне жила у границы. Даже в церкви Святого Михаила, бывало, селились итальянцы.

Вскоре после рождения Аля семья перебралась с порочной Сэнд-стрит подальше от соотечественников. Они переехали в одну из трех квартир, расположенных над парикмахерской на Парк-авеню, 69. С ними жили два человека, которые помогли с арендой жилплощади: Майкл Мартино, тоже парикмахер, бывший по совместительству ассистентом Габриэля по различным вопросам; и музыкант-любитель, только прибывший в Америку, Андрео Каллабресе.

Остальные семьи, арендовавшие жилье по Парк-авеню, 69, Макбрайдс и Ратигэнс были выходцами из Ирландии. Несмотря на то что ирландцы преобладали в квартале и на прилегающих улицах, здесь проживали и представители других национальностей: шведы, немцы и даже три китай-

ца. Неподалеку за углом, на Норд-Портланд-авеню, жили еще три итальянских семьи. Первые шесть или семь лет жизни Аль провел среди иностранцев, что позволило избежать чувства отчужденности, которое испытывало большинство иммигрантов, селившихся в однонациональных гетто. Это обстоятельство сыграло весомую роль в формировании Аль Капоне как криминального бизнесмена.

Как и семья Капоне, большая часть итальянцев, мигрировавших в Америку в период 1881–1911 годов, была выходцами из нищего и извечно угнетенного юга Италии или Сицилии. Эти земли испокон веков не видывали ничего, кроме постоянных рейдов, грабежей и тирании, вершившихся по большей части иностранцами, – за злодеяниями всегда стояли те, кого местные жители считали чужаками. Греки, карфагеняне, римляне, арабы, норманны, испанцы, французы разорили Сицилию и юг Италии.

Острая неприязнь к иноземцам и болезненное недоверие к любой власти укоренились в сознании народа. Для этих несчастных итальянская история не представляла собой ни академическую дисциплину, ни повод для гордости. Большая часть иммигрантов впервые услышала имена Леонардо и Микеланджело по прибытии в Америку. В статуе Колумба они видели памятник очередному падроне.

В их представлении история была непрекращающейся чередой предательств и заговоров. «В Сицилии было много-много *latifondie* [особняков], – рассказывал на ночь племянникам один бруклинский иммигрант, – потом напал этот французский *figlio puttana* (сын проститутки) по имени Наполеон, и начались тяжелые времена...»

В конце 1700-х годов Италия походила на схему разделки крупного рогатого скота: одна нога принадлежала испанскому дому Бурбонов, шейка – север – Австрии, филе – Тоскана – испанскому дому Габсбургов, а средняя часть туловища – папе римскому. Независимость сохраняла только малая северо-западная часть – Пьемонт. Недолгий период объединения страны начался с иностранного вторжения.

Figlio puttana дважды прошелся по полуострову, обратив все на своем пути (сделав исключение для Неаполи-

танского королевства) в Итальянскую республику¹, провозгласив себя королем, а родственников и генералов – наместниками. Этот временной промежуток, в продолжение которого Италия напоминала полноценное государство, продлился лишь до Ватерлоо; Венский конгресс вернул Италию в состояние политического хаоса. Страна осталась отсталой и бедной. Италией по-прежнему руководил кто угодно, но не собственный народ.

Все изменилось в 1848 году, когда по Европе прокатилась волна народных восстаний. Однако для угнетенных южан идея национального единства не представляла никакой ценности. Теперь они испытывали давление более состоятельных северян. В какой-то момент у крестьян иссякло терпение, и они, голодные, устроили бунт. Правительство находилось в Риме, населенном преимущественно северянами, людьми образованными и успешными. Восстание непременно нужно было подавить, для этого пришлось стянуть половину итальянской армии, состоящей в основном из северян, к югу страны. На юге это воспринималось как очередное вторжение.

Если принять во внимание историю, становится ясно, что недоверие к чужакам – неотъемлемое свойство итальянской природы, причем направленное не обязательно к представителям других национальностей и очевидным агрессорам, как римляне и тосканцы, – но даже к своим. Неаполитанцы привыкли дичиться калабрийцев и презирать их, калабрийцы, в свою очередь, не переносили апулийцев, которые ненавидели базиликатийцев, и так далее, и так далее... Все вместе недоверчиво косились на сицилийцев, а сицилийцы и вовсе никому не доверяли.

Эти настроения, которые Альфонс не мог не впитать от родителей, компенсировались тем, что самый важный

¹ Итальянская республика (Repubblica Italiana) – кратковременное (1802–1805 годы) государственное образование в Северной Италии, вассальное государство Франции во времена Наполеона. В 1805 году, после того как Бонапарт стал императором Франции, Итальянская республика была превращена в Королевство Италия с Наполеоном в роли короля и Эженом де Богарне (пасынком Наполеона) в роли вице-короля.